

Долго и счастливо

Форма любого предисловия в значительной мере обусловлена жанром того текста, который оно предваряет. Перед читателем книга воспоминаний, и посему предисловие к ней позволительно, наверное, начать в мемуарной тональности...

Где-то в конце 1970-х годов, заглянув домой к профессору С. Я. Боровому, застал я его необыкновенно возбужденным. Буквально перед моим приходом прочел он в свежем номере журнала «Советиш геймланд»... некролог самому себе. Журнал был открыт на развороте, сплошь заполненном траурными столбцами. Каждая траурная статья открывалась именем и фамилией, под которыми стояли даты. Годы рождения значились разные, а вот вторая дата у всех была одна и та же — 1952.

Все стало ясно. Журнал вспоминал деятелей еврейской культуры, убиенных на закате сталинской эпохи в период борьбы с так называемыми «безродными космополитами».

— А вот это обо мне, — не без гордости Саул Яковлевич ткнул пальцем в одну из колонок. Здесь под именем стояли даты: 1903—... Да, со второй датой что-то было неладно: ее замазали типографской краской. При тщательном изучении можно было разглядеть под краской те же четыре цифры — 1952, но, видно, уже в напечатанной странице они были замазаны еще в типографии. Кто-то из не слишком просвещенных сотрудников журнала, прослышав о старых трудах С. Борового на еврейские темы, но не зная автора лично, не допустил возможного исключения из правила и решил, что автора этих работ должен был ждать общий для деятелей еврейской культуры финал. Только случайно удалось журналу избежать полного конфуза. Кто-то, наверное, заметил ошибку (!) еще в несброшюрованных листах: «Боровой? Позвольте, да ведь он жив и по-прежнему живет в Одессе». Так оно, должно быть, и происходило.

А сам «герой» столь странной публикации быстро преодолел тогда растерянность и заметно повеселел. Ведь не каждому выпадал такой счастливый случай. К тому же человек, прочитавший при жизни некролог самому себе, по всем приметам должен жить долго. Долго и счастливо...

* * *

Саул Боровой (1903—1989) и в самом деле прожил долгую жизнь, скончавшись месяца за два до своего 86-летия. В жизни этой было немало «событий и перипетий». Тем более что протекала она в тех местах и в те времена, где недостатка в событийности не наблюдалось.

Правда, начало жизни не предвещало никаких гроз. Будущий историк вырос в Одессе, в зажиточной и интеллигентной еврейской семье. Среди его предков были и негоцианты, и раввины, подданные России и Австро-Венгрии. Мать С. Я. Борового переехала в Одессу из Черновиц (нынче пишут — Черновцов) — центра Буковины, а ее предки были выходцами из Брод. Известно, какую роль сыграли евреи, вышедшие из этого местечка, в культурной и религиозной жизни одесского еврейства. В частности, они финансировали создание самой престижной в городе синагоги — Бродской. Родители Борового были прихожанами Бродской синагоги, имели там постоянное место, а это говорило и о материальном достатке, и о респектабельности семьи.

Как вспоминает автор публикуемых записок, он часто посещал синагогу в обществе письмоводителя своего отца — бедного молодого человека, заменившего юному Саулу хедер: именно он преподавал ребенку первоначальные уроки Торы и древнееврейского языка, заразив мальчика интересом к гебраистике. Правда, гебраистом Саул Боровой не стал, как не стал им и его брат — филолог-русист Леонид (Лев) Боровой, но оба владели древнееврейским и в случае необходимости читали и писали на нем.

Не менее важным фактором формирования юной души был круг интересных людей, бывавших в родительском доме. Достаточно вспомнить, что летом 1917 года бывал у них на даче родоначальник новой еврейской литературы на идиш Менделе-Мойхер-Сфорим, которому жить оставалось лишь несколько месяцев; в декабре он скончался и был похоронен на том самом втором Еврейском кладбище в Одессе, которое в 1970-е годы было распахано и превращено в пустырь несмотря на все протесты общественности. Другом отца был Хаим-Нахман Бялик, к имени и творчеству которого С. Боровой всю жизнь относился с величайшим пиететом, и другие интересные люди, о которых он вспоминает.

Жить в России, тем более — в глубоко интернациональной Одессе и оставаться в рамках еврейской языковой культуры было практически невозможно; эту очевидную истину осознали уже родители Борового, а потому, заботясь о гебраистической подготовке детей, отправляли их в учебные заведения, дававшие возможность лучше освоить также русский язык и русскую культуру. Старший сын Давид учился в одесской гимназии Иглицкого, а Леонид и Саул были отданы в коммерческое училище Гохмана.

Любопытно, что на первом экзамене по русскому языку Саул провалился — не смог написать диктант. (Сразу вспоминается аналогичный провал на гимназическом экзамене по русскому языку другого одессита — Владимира (Зеева) Жаботинского.) Для каждого, кто читал труды С. Борового, написанные по преимуществу по-русски и отличающиеся прекрасным слогом, этот факт действительно может показаться занятным. Думается, что немалую роль в том, что и Леонид — будущий знаток языка русской литературы — и Саул прониклись чувством русского слова, сыграли прекрасные педагоги училища. К примеру, русскую литературу преподавал Лев Рудольфович Коган, автор ряда трудов по истории русской и западноевропейских литератур, а учителем математики был там тогда известный

ученый, математик и логик Самуил Осипович Шатуновский. В зрелые годы не пришлось С. Боровому горевать по поводу того, что довелось ему учиться не в классической гимназии, а всего лишь в коммерческом училище.

Говоря об ученом, поневоле уделяешь особое внимание его образованию и придаешь этой части его мемуаров особое значение. Трудно представить, как бы дальше складывалась его судьба в соответствии с родительскими планами (жизнь отдельного человека, как и сама история, не знает сослагательного наклонения). Но в 1917 году «все смешалось в доме Облонских» — точнее, в огромном и безалаберном российском доме. И это «все» коснулось судьбы каждого современника тех оглушительных событий.

Во время гражданской войны было не до образования: Одесса переходила из рук в руки и власти менялись очень часто. Правда, для человека, жаждущего узнавать, и в этой нестабильной действительности было нечто привлекательное — обилие впечатлений. Эти впечатления составили материал для ряда интересных страниц в воспоминаниях Борового. Читатель наверняка обратит внимание на рассказ о докладе И. А. Бунина «Сумерки русской культуры» и о том, как воспринял его четырнадцатилетний подросток. Что же касается регулярного образования, то время для него наступило уже после гражданской войны. В студенческие годы укрепились и оформились довольно ранние исторические интересы Саула Борового.

Формирование личности автора мемуаров проходило и под явным воздействием ряда содержательных, интересных людей, с которыми его свела жизнь. Одним из них был Юлиан Григорьевич Оксман, выпускник Петроградского университета, а впоследствии крупный литературовед, знаток классической русской литературы. Именно Оксман привлек еще несовершеннолетнего Саула Борового к работе в Одесском историческом архиве. Он же был ректором существовавшего в 1921—1923 годах Одесского археологического института, слушателем которого был Боровой; впрочем, среди слушателей этого своеобразного института было немало способных людей, составивших впоследствии гордость отечественной науки: литературоведы М. П. Алексеев и С. М. Брейтбург, историк Н. Л. Рубинштейн и другие. В конце 1970-х годов С. Боровой опубликовал в «Археографическом ежегоднике» первую, по сути, статью об истории этого института и его археографического отделения.

Наряду с архивами родным миром для него с молодости стали библиотеки. Многие годы был Боровой сотрудником Одесской публичной научной библиотеки, где возглавлял библиографическую службу. В 1920-е годы рядом с ним трудились там Михаил Павлович Алексеев (впоследствии академик, почетный доктор многих зарубежных университетов), Александр Михайлович Дерибас — отпрыск знаменитого рода и автор популярной книги «Старая Одесса», другие ученые-гуманитарии. Библиотечное и архивное дело С. Я. Боровой понимал великолепно, будучи притом и знатоком ряда вспомогательных исторических дисциплин.

Разные источники образования и самообразования, встречи со многими интересными людьми, бурное и поучительное время, наконец, рано начатая работа в архивах и библиотеках заложили в С. Боровом основы

многообразных интересов и тягу к разнообразным занятиям. Но уже на пороге самостоятельного пути ему и окружающим стало ясно определяющее, главное увлечение — история. Однако диапазон истории как науки необычайно широк, она включает в себя немало научных дисциплин. Как же определил свое направление поиска в этом диапазоне совсем еще молодой человек?

В этом важном деле сыграли свою роль обе языковые и культурные стихии, на стыке которых формировалась личность С. Борового. Еврейское образование, полученное им в семье, постоянный интерес к истории своего народа проявились уже на пороге его научной карьеры. Дополнительный заряд получил этот интерес в 1922—23 годах, когда Саул Боровой был сотрудником Еврейской академической библиотеки им. Менделе-Мойхер-Сфорима в Одессе¹. Да и в ранних публикациях начинающего историка эта тема преобладала.

Начинающего?! Впрочем, когда же он начинал? В строгом смысле слова первой публикацией Борового можно считать перевод с иврита на русский язык статьи Давидсона «Ассимиляция», опубликованный в одесском журнале «Еврейская мысль» в 1919 году. Переводчику в ту пору было неполных шестнадцать лет, и редакция даже не сочла нужным указать его имя. Не повезло юному автору и с первой статьей на собственно еврейскую тему. Для выходявшего за границы тематического сборника написал он статью «Десять первых лет газеты «Гамелиц». Выходявшая на древнееврейском газета «Гамелиц», созданная в Одессе в 1860 году, в течение десяти лет издавалась в Одессе, а затем «переехала» в Санкт-Петербург. Издателем и редактором ее был А. Цедербаум — дед Юлия Мартова (Цедербаума), известного впоследствии социал-демократа. В большой статье, написанной на иврите, С. Боровой охарактеризовал одесский период «Гамелица», но по неизвестным причинам его статья не была опубликована (и что не менее печально — рукопись ее не сохранилась).

Однако начиная с 1925 года стали появляться в печати труды молодого историка на близкую ему тему. Это, во-первых, статья об истории еврейской книги, напечатанная в 1925 году по-украински в журнале «Бібліологічні вісті». А в 1926 году в Ленинграде вышел на русском языке очень содержательный сборник «Еврейская мысль» (сегодня это библиографический раритет), в котором были опубликованы сразу три статьи Борового. Они были посвящены весьма разным вопросам, демонстрируя широту интересов и познаний автора, которому в пору написания этих работ было 22 года. Речь идет о статьях: «Давид Лехно и его история Крымского ханства», «Еврейские газеты перед судом «ученых евреев»: два эпизода» и «Новое о Ковнере».

¹ Была и такая библиотека. Вскоре после ее закрытия С. Боровой стал и первым ее историком, опубликовав о ней статью в украинском журнале «Бібліологічні вісті» (1926, № 4, С. 96—99).

Последняя из них — кстати, самая объемная — достойна особого внимания. Ее «героем» является Урия Ковнер (1842—1909), «еврейский Писарев», как называли его в молодости, автор сборника памфлетов (1865), атаковавших «национальную ограниченность» российских евреев. Знал он и тюремное заключение, и ссылку, но не как бунтарь-литератор, а как прощтрафившийся чиновник. Позднее поменял веру, стал весьма средней руки русским беллетристом, сотрудничал с рядом столичных изданий. Вспоминают сегодня о Ковнере главным образом как корреспонденте Ф. М. Достоевского, которого малоизвестный «собрат по цеху» упрекал в ненависти к еврейскому народу. Достоевский отвечал Ковнеру и эпистолярно, и в «Дневнике писателя» за 1877 год, тем самым вводя это имя в круг интересов своих будущих комментаторов.

В 1924 году вышла книга Л. П. Гроссмана «Исповедь одного еврея», описывающая личность Ковнера. К тому времени относится личное знакомство Саула Борового с Л. П. Гроссманом (знакомство это с годами переросло в долгую и устойчивую дружбу). Знакомство с известным литературоведом и его книгой подогрело интерес к личности Ковнера, а тут еще молодому историку удалось напасть на интересные архивные материалы, проливающие дополнительный свет на историю Ковнера, включая не очень благовидные проявления его морально нетвердой, честолюбивой натуры. Так и родилась статья «Новое о Ковнере», в которой впервые дали о себе знать и историко-литературные интересы автора. Сам он в последние годы жизни отзывался об этом своем очерке как чрезмерно ригористическом; однако эта оценка может соотноситься лишь с оценкой фактов, но никак не с обнародованием самих фактов. Удивительно, но до сих пор большинству достоевистов — русских и зарубежных, — комментирующих упомянутое место в «Дневнике писателя» и письма к Ковнеру, эта статья остается неизвестной, и они ограничиваются ссылками на книгу Л. Гроссмана, представляющую столь колоритную личность ярко, но неполно.

Если же отвлечься от академических проблем истории литературы, по прочтении «Дневника писателя», книги Гроссмана и статьи Борового вырисовывается в нашем сознании какой-то фантасмагорический хоровод, в котором кружатся, наряду с болезненным и гениальным провидцем Федором Михайловичем, уязвленный своим происхождением и бедностью чиновник-литератор, изысканный рассказчик и эрудит Леонид Петрович Гроссман, а вместе с ними совсем юный одессит с библейским именем Саул, любивший порыться в архивной и библиотечной пыли, ревниво оберегавший свое человеческое достоинство и уже обдумывавший первую книгу.

Название этой книги и сегодня звучит для российского читателя экзотически: «Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Политика, идеология, хозяйство, быт. По архивным материалам» (М.: Изд. М. Литика, идеология, хозяйство, быт. По архивным материалам» (М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928). Изложенная в мемуарах С. Борового история создания и публикации книги увлекательна сама по себе. В этой истории есть ряд заметных «действующих лиц»: это и видный юрист Соломон Шапиро, предложивший молодому историку-библиографу заняться столь необычной темой, и Агро-Джойнт, с 1924 года при поддержке советских

властей стимулировавший еврейское фермерство в России и взявшийся субсидировать издание книги, и знаменитый издатель М. В. Сабашников, и крупный историк В. С. Бахрушин, давший высокую оценку рукописи, и, наконец, сам автор, которому к моменту выхода книги в свет было... 23 года.

Книга посвящена изучению истории первых еврейских земледельческих поселений на Юге России в первой половине XIX века и была построена на солидной базе архивных материалов. Уже в ней проявилось специфическое и обязательное качество Борового-историка: уважение к историческому факту и приоритет факта. Однако, в отличие от многих исследователей, опирающихся на архивные данные, он не позволял своему исследованию скатиться на эмпирико-фактологический уровень, а устремлялся к концептуальности. Концептуальность эта была задана и определена многоаспектностью подхода, отраженного уже в подзаголовке книги: «Политика — идеология — хозяйство — быт».

Впервые обнаруженные факты и статистические данные были введены в широкий исторический контекст развития еврейского землеустройства в александровской и николаевской России. Во взаимодействии с этими материалами подавались и интерпретировались некоторые ранее известные события и документы, как, например, «Записка» Г. Р. Державина, для которого «исторический абстрактный еврей как носитель враждебной христианству культуры заслонил... живого литовско-польского еврея»¹, или проект П. И. Пестеля о переселении всех евреев в Азию, изложенный им в «Русской Правде».

Пожалуй, лишь в кратком «Заключении» рельефно проявилась утопическая концепция Агро-Джойнта. «Сейчас еврейская земледельческая колонизация отсчитывает самые первые годы новой эры своей истории. Перед ней вырисовываются исключительно заманчивые перспективы, и уже отмечены большие успехи...»² Увы, здесь желаемое представлялось действительностью. Но не настоящее было предметом исследования С. Борового, а прошлое, и тут он как историк был безупречно точен.

Потому-то книга его, выйдя в свет, очень скоро вошла в научный оборот. Автор книги вспоминал, что этот труд получил больше печатных откликов за рубежом (США, Польша, Палестина и др.), чем в Советском Союзе. Ссылались же и опирались на эту книгу в своих научных изысканиях многие авторы, и, судя по тому, что продолжают на нее ссылаться, не утратила она своего научного значения. Одним из зарубежных исследователей, отметивших эту книгу и давших ей высокую оценку, был легендарный впоследствии польско-еврейский историк Эммануэль Рингельблюм, окончивший свои дни в Освенциме, где, зная о неминуемом конце, все же вел записи, собирал документы и зарывал их в землю в бидонах (дабы бу-

¹ Боровой С. Я. Указ. соч., с. 19.

маги не истлели). На закате своей жизни С. Я. Боровой, вспоминая о Рингельблюме, говорил, что это эталон настоящего историка, ведущего летопись не для личной славы, не из честолюбия и не по службе, а ради сохранения памяти человеческой и знания об эпохе.

После выхода «Колонизации» в свет основной темой исследований Борового становится история еврейства на Украине в XVI—XIX веках. Тема огромная, даже сегодня недостаточно изведенная и достаточно взрывоопасная. Тогда, в тридцатые годы, человек, серьезно сосредоточившийся на такой теме, многим казался несвоевременным, анахроничным. Тем не менее С. Боровой закончил большое исследование, которое защищал в Москве как докторскую диссертацию. О неординарной ситуации, сложившейся при защите диссертации, он говорит достаточно подробно в своих воспоминаниях. Хотелось бы обратить внимание на такой момент: поддержали С. Борового крупные ученые (академик В. И. Пичета, профессор А. А. Савич и др.), специально не занимавшиеся историей еврейского этноса, но осознавшие, что перед ними солидное историческое исследование; а среди недругов, обрушившихся на диссертанта и упрекавших его в методологических грехах, были рьяные приверженцы хрестоматийного марксизма. К счастью, ученый совет их нападки не убедили и компетентность диссертанта была оценена по достоинству, но зато другая организация, к эрудиции которой апеллировали сии неофициальные оппоненты, была более внимательна: по возвращении в Одессу новоиспеченный доктор наук был вызван в ГПУ, где у него попросили в письменном виде отчет о... защите докторской диссертации. Слава Богу, тогда этот визит не возымел последствий. Тогда не возымел...

Остается сожалеть, что значительная часть исследования С. Борового об истории евреев на Украине осталась неопубликованной. Из солидных его публикаций на эту тему упомяну лишь две: «Евреи в Запорожской Сечи: по материалам сечевого архива» (Исторический сборник. Т. 1. Л., 1934) и «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» (Исторические записки. Т. 9. М., 1940). Сама постановка проблем не может не захватить заинтересованного читателя. Действительно, драматическая и так слабо изученная (к тому времени) страница в истории еврейского народа — жизнь его в Малороссии в период Хмельнитчины!

Материалы второй статьи должны были предстать перед читателем более полно в другом издании — в качестве предисловия к подготовленному С. Боровым изданию еврейских хроник XVII века, повествующих о катастрофе, происшедшей с еврейским населением Украины в ту пору. Читатель мемуаров узнает, как этой книге не повезло: сначала ликвидировали издательство «Academia», для которого книга готовилась, а потом «неистовый ревнитель» Бела Кун «зарезал» эту книгу во «вверенном ему» Соцэкгизе (правда, сам он ненадолго пережил этот запрет, наложенный на книгу). Переплетенный второй экземпляр верстки «Хроник» С. Боровой бережно хранил и давал читать только самым близким друзьям.

Фрагменты большого труда С. Борового об истории евреев на Украине — опубликованные, равно как и неопубликованные — содержат богатей-

ший материал и заслуживают того, чтобы современные исследователи данного круга проблем повнимательнее в них вчитались. Думается, тогда некоторым историкам, участвовавшим в созданных по инициативе прогрессивных кругов современной Украины нескольких конференциях по проблемам истории украино-еврейских отношений, не пришлось бы заново открывать Америку, а другим их коллегам удалось бы найти в трудах покойного и плохо известного им историка подтверждение или опровержение обсуждавшихся концепций.

Что же касается зарубежных исследователей названной проблематики, то им подчас — как это ни парадоксально — было легче найти дорогу к трудам Борового 1930-х годов. Правда, в этом случае возникало иногда другое препятствие: западных либо израильских историков отпугивали цитаты и ссылки на К. Маркса или Ф. Энгельса. Сам С. Боровой уже в старости глубоко сожалел о необходимости делать марксистские («марксистские» — в шутку говаривал он) оговорки в работах тех далеких лет. Но, во-первых, без этих цитат или оговорок работы не были бы приняты в печать. Во-вторых, — и тут, наверное, более «правы» недруги С. Борового, нападавшие на него за недостаточную приверженность марксизму, — эти оговорки носили зачастую характер декоративной ширмы, были сравнительно немногочисленны и мало влияли, а то и вовсе не влияли на концепцию и характер работы в целом.

Труды же эти и специальные интересы С. Борового вспомнили ему позднее. В начале 1950-х годов секретарь Одесского обкома Компартии, ответственный за т. н. идеологическую работу, В. С. Готт (впоследствии — доктор философских наук и редактор московского журнала «Философские науки») в одном из докладов саркастически упоминал об одесском профессоре, «который разыскал в Запорожье Янкелей и Ицек». Аудитория, разумеется, отвечала философу здоровым животным хохотом. Но это случилось позже — в разгар борьбы с «безродными космополитами».

Начавшаяся в 1948 году антисемитская по своей сути кампания борьбы с космополитизмом и низкопоклонничеством для С. Борового не была абсолютно неожиданной. Новой была разве что формулировка, ширма для борьбы с еврейской культурой, а в перспективе и с еврейским народом. Но ростки антисемитизма в государственной политике он смог подметить еще раньше. Не разделял, например, общего увлечения Ильфом и Петровым: раздражало его то место в «Золотом теленке», где бодрые журналисты объясняют едущему на открытие Турксиба «наемнику капитала» американскому журналисту Хираму Бурману, что в Стране Советов нет и не может быть антисемитизма, а непонятливый американец недоумевает: «Как так? Евреи есть, а еврейского вопроса нет?» Историк не мог простить советской власти беспощадное отношение к национальным культурам и конкретно — к еврейской культуре, корни которой в стране выкорчевывались оргметодами ради эфемерного пресловутого интернационализма.

Во время войны, будучи в эвакуации, С. Боровой уловил качественный сдвиг в отношении к людям своей национальности. После освобождения Одессы в апреле 1944 года отнюдь не всем евреям давали «добро» на реэвакуацию. Позднее из замечательного романа Василия Гроссмана «Жизнь

и судьба» многие читатели, не перенесшие подобных ограничений либо принадлежащие к более молодым поколениям, узнали, что эта тенденция коснулась и москвичей и жителей других крупных городов Европейской части страны. Возвращение евреев в родные места лимитировалось: долгое время сдерживавшийся личный антисемитизм «вождя народов» дал о себе знать, вызвав отклики в душах потенциальных черносотенцев и просто послушных исполнителей «монаршей воли». В конце же 1940-х годов пошло планомерное наступление на еврейскую культуру в СССР: были уничтожены театр, газеты, репрессированы видные писатели, художники, актеры. Уцелевшие еврейские интеллигенты в массовом порядке лишались работы.

Автор воспоминаний рассказывает об этом страшном времени, «пропуская» его через свою собственную жизнь. Ведь он познал и безработицу, и травлю в местной прессе, и безуспешные хождения «по инстанциям». Только случай спас профессора от репрессий: чекисты нанесли визит в его квартиру тогда, когда сам Боровой находился в Москве, а когда он вернулся в Одессу, уже умер Сталин и рухнул план тотальной депортации евреев, отпала срочная необходимость в аресте еще одного деятеля еврейской культуры.

Позднее, через пятнадцать — двадцать и более лет после злополучной борьбы с космополитизмом, Саул Яковлевич охотно и подробно рассказывал о перипетиях своей жизни в это тяжелое время. Не переставал удивляться, как ему все-таки повезло: он всего лишь походил пару лет без работы, да поносили его с трибун и в печати, вот и все. Удивляло его то, что «компетентные органы» не смогли установить наиболее весомые из «порочающих» его фактов. Хотя бы то, что первая книга ученого создавалась при поддержке Агро-Джойнта; как бы этот факт хорошо лег на огульные обвинения в адрес еврейской интеллигенции — «агенты Джойнта». Не знали в госбезопасности и о старшем из братьев Боровых...

Давид Боровой еще до первой мировой войны был отправлен в Германию и учился в Политехническом институте в Брауншвейге. В начале мировой войны был, как и другие студенты из России, арестован, затем выпущен. Позже он вернулся в Россию, а в 1926 году с женой и маленьким сыном уехал в Палестину. Ни братья, ни сестра долго не имели с ним связи. Давид Боровой прожил большую жизнь, имел семью, был, по словам братьев, депутатом кнессета и скончался в 1977 году. По-видимому, в конце жизни он имел sporadическую переписку с братом Саулом и сестрой Миррой. О существовании брата знали лишь родные и самые близкие друзья профессора. Да, ведали бы эту тайну штатные сотрудники МГБ или их нештатные осведомители тогда, в 1952 году?!

Для научного работника своеобразным зеркалом его жизнедеятельности является культурно изданная, хронологически выверенная библиография его трудов. Хочется верить, что будет издана полная библиография трудов С. Борового, но даже в «Материалах к библиографии», изданных в Одессе в 1988 году (к 85-летию ученого) по инициативе автора этих строк, бросается в глаза одно обстоятельство. В самые тяжелые для него годы профессор продолжал научную деятельность, без которой не мыслил своего су-

ществования, и даже продолжал публиковаться: счастье, что некоторые московские журналы и издательства не знали запрета одесских властей на публикацию работ Борового. Есть у него серьезные печатные труды, датированные и 1950-м, и 1951-м, и даже 1952-м годами. Правда, их немного и посвящены они уже не этнической истории: любимая тема С. Борового — история еврейского народа на Юге России и на Украине — была прочно закрыта и «приоткрылась» лишь в т. н. период «перестройки».

Впрочем, в однообразии научных интересов С. Борового нельзя было заподозрить даже в 1920-е годы. Уже тогда, наряду с этнической историей, его всерьез занимали проблемы книговедения, архивистики, а также истории культуры (и, в частности, литературы). К концу тридцатых годов к этому ряду прибавились вопросы экономической истории, а в сороковые годы — и научного краеведения.

Долгие годы преподавания в Одесском кредитно-экономическом институте (впоследствии — Институте народного хозяйства) активизировали его интерес к экономической истории. Результаты специальной заинтересованности отразились в нескольких десятках солидных публикаций, включающих главы из учебника по экономической истории СССР и зарубежных стран (М., 1978) и фундаментальную монографию «Кредит и банки России: середина XVII в. — 1861 г.» (М., 1958), вошедшую в широкий международный научный обиход.

В середине века, когда нормой научной деятельности считалась самая узкая специализация, С. Я. Боровой даже среди коллег-гуманитариев выглядел подчас белой вороной: слишком многое его как ученого интересовало и увлекало. Прошли годы, и специалистам в самых разных областях знаний стало ясно, что важнейшие наблюдения и тем более выводы делаются чаще не в рамках узко ограниченных научных дисциплин, а на стыке различных областей знания. Творчество С. Борового дает нам немало тому примеров.

На стыке этнической истории и книговедения родились его работы по истории еврейских библиотек Киева и Одессы. На пересечении социальной, экономической истории и литературоведения родились его труды об экономических идеях и литературном наследии декабриста М. Ф. Орлова, сообщения о Тургеневе и Чернышевском, две статьи о реально-исторической основе «Мертвых душ» Гоголя, ряд пушкиноведческих штудий, и прежде всего ставшая уже классикой статья «Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х годов» (Пушкин и его время: Сб. Л., 1962. С. 265—288). На сопределье истории литературы и краеведения родились многие другие его пушкинистские труды¹. О множественности интересов и познаний ученого говорят сами названия ряда его очерков, увидевших

¹ На протяжении 12 лет (1973—1985) С. Я. Боровой возглавлял Пушкинскую научную комиссию Одесского Дома ученых, основанную еще в 1925 г. М. П. Алексеевым. Он был одним из организаторов и активных участников серии пушкиноведческих конференций «Пушкин на юге».

свет в солидных изданиях: «Книга в Одессе в первой половине XIX в.», «Колокол» и общественно-политическая жизнь Одессы в годы первой революционной ситуации», «С. С. Громека и А. И. Герцен» и др.

Отнюдь не все им написанное смог С. Боровой опубликовать при жизни. Хотя и не любил писать «в стол», хоть и предпочитал выводить на бумагу свои мысли только для конкретного издания по заказу конкретных редакторов, тем не менее стол в разные годы пополнялся работами, для появления которых в печати не пришло еще время. Это прежде всего его труды по истории еврейского народа и еврейской культуры.

Не следует думать, что, уйдя из списка публикаций в послевоенный период, еврейская проблематика ушла из размышлений ученого. Были ликвидированы научные центры по изучению еврейской культуры, многие специалисты ушли из жизни сами либо пали жертвами расправ рубежа 1940 — 50-х годов, кто-то, насмерть перепугавшись, поспешил забыть увлечения своей научной молодости. С. Боровой никогда не афишировал, но и не скрывал своей постоянной тяги к этому кругу проблем, заботясь о поддержании контактов с теми считанными историками, кто разделял тогда его интересы. На столе у него можно было частенько увидеть польский или болгарский (реже — западный) журнал, посвященный еврейской проблематике.

Когда его друзьям удалось издать материалы к библиографии С. Борового, старый профессор особенно радовался тому, что не были пропущены его русскоязычные и украиноязычные труды на еврейские темы. К сожалению, из-за технической бедности наших типографий не были включены в эти материалы публикации историка на языке идиш. А их было не так мало! Это, например, статья «Забытый нигилист», вышедшая в 1929 году в «Филологических записках» еврейского научного института в Вильнюсе и посвященная Осипу Лернеру — еврейскому литератору, отцу известного пушкиниста Н. О. Лернера. Перед самой войной, в 1941 году, в московском сборнике «Менделе и его время», изданном на идиш, появилась статья С. Борового «Опыт биографии Аксенфельда». Возобновились его публикации на этом языке в последнее десятилетие жизни ученого, после незадачливого некролога, с которым поспешил журнал «Советиш геймланд». Редко заслуживавший в ту пору доброго слова, этот журнал, дабы «реабилитироваться», пригласил Борового выступить на его страницах со статьями абсолютно не пропагандистского характера. Это же издание, ставшее себе «больше позволять» в годы перестройки, опубликовало первый развернутый некролог С. Я. Борового (1990, № 7), поместив в том же номере давнюю, фактологически точную работу о расправах над евреями в Одессе в годы немецко-румынской оккупации; позже этот очерк по инициативе Института истории Академии наук Украины был издан на русском языке отдельной брошюрой в Киеве.

Недостаток участия в еврейской культурной (в широком смысле этого слова) жизни ощущал он постоянно, хотя не всем признавался в этом. Очень сожалел, что его «Колонизация» не вышла в переводе на иврит, не без оснований полагая, что предмет книги обуславливает необходимость ее

бытования в двух языковых сферах. Вспоминая о разных людях, говаривал: «Хороший был знаток иврита» — или: «Получил хорошее еврейское образование». Ценил это очень высоко. Он редко чем-либо хвастался всерьез, чаще — иронически. Но однажды, написав письмо с выражением соболезнования старинному другу, потерявшему жену, Саул Яковлевич с гордостью признался: «Я написал ему красивое письмо на языке Торы».

Однако было бы неверно трактовать приход молодого (в 1920-е годы) историка к русской языковой культуре и русской культурной истории как исключительно вынужденный. Отнюдь нет! Национальная ограниченность и изоляционизм были ему абсолютно чужды. Русский язык слышал и чувствовал он превосходно, легко и даже с литературным блеском писал по-русски. Нельзя недооценить в этом отношении влияние брата Леонида (Льва), впоследствии широко известного своими книгами о русском слове («Путь слова» и др.).

Рано почувствовал С. Боровой и притягательную мощь русской литературы, особенно — классической. Отсюда и устойчивый интерес к Пушкину, Герцену, Лескову, Толстому, Достоевскому... Помню, как, читая в журнале «Вопросы литературы» отрывки из эссе и писем Джозефа Конрада (в моем переводе), Саул Яковлевич наткнулся на замечание Конрада о том, почему он «не принимал» и не любил Льва Толстого. Профессор взглянул на меня и спросил: «Он не любил Толстого?» Слово «он» было акцентировано таким образом, чтобы дать почувствовать собеседнику, какая дистанция отделяет хорошего писателя Конрада от гениального Толстого. Не одобрял увлечения некоторых новейших писателей изображением подробностей интимных отношений, считая, что это нарушение традиций русской классики. Повторял иногда вслед за Томасом Манном: «Святая русская литература». Такое бы отношение к родной литературе (да основанное на хорошем знании ее) некоторым нынешним радателям возрождения России!

Один из таких радателей, А. Романенко, издал в середине 1980-х годов в Ленинграде книгу «О классовой сущности сионизма» с густым чернотенным запахом и там несколько раз в поисках фактологической поддержки сослался на довоенные труды Борового о евреях на Украине. Цитация была произведена бессовестным образом: из контекста вырывались фразы, которым придавалось неадекватное истолкование. Саул Яковлевич был глубоко возмущен тем, что беспардонный идеолог антисемитизма решил использовать его труды в подтверждение гадкой и, конечно же, лживой концепции. Он написал гневное письмо в один из центральных журналов, объясняя, в чем смысл его научных трудов, отмежевываясь от новоявленного «единомышленника» и указав на уйму ошибок, содержащихся в сочинении Романенки. Впрочем, это сочинение было замечено и другими историками и сразу же получило в научной прессе однозначную оценку. Лениздат заверил, что не собирается больше прибегать к услугам реакционного и безграмотного (как часто эти качества идут в одной упряжке!) ав-

тора. Письмо С. Борового не было опубликовано, очевидно, чтобы «не довершать удара».

Кроме двух национальных культур, была у покойного ученого еще одна большая любовь, которую он пронес через всю жизнь. Это Одесса и Новороссийский край. В 1983 году, накануне своего 80-летия, давая интервью одесскому репортеру, он сказал: «Предки мои поселились в этом городе 175 лет назад». Учитывая, что Одессе в тот период не было еще и 190 лет, число, названное юбиларом, впечатляло. Об истории Одессы и Новороссии писал он очень много, знал и любил улицы города, библиотеки, архивы.

Хоть и работал в своей жизни немало в столичных библиотеках и архивах, признался одному из своих учеников: «Видите ли, я мог бы жить и трудиться в другом городе — допустим, в Москве или Киеве, но знаете, чего бы мне там не доставало? Одесских библиотек». Он не шутил, говоря о книгохранилищах, где знал каждый закуток, где сам запах книжной и газетной пыли был для него родным. Когда за три года до кончины ему по болезни и семейным обстоятельствам пришлось переехать в Москву, тяжело переживал этот отрыв от Одессы. По-детски радовался, когда одесские газеты обращались к нему за помощью или вспоминали на своих страницах его имя; радовался этому, пожалуй, не меньше, чем серьезным академическим публикациям.

Далеко не все, что написано С. Боровым, опубликовано. Много, к сожалению, еще лежит без движения в его архиве, в том и числе книга очерков о культурной истории Одессы, «похороненная» в свое время одесским издательством, его малообразованными руководителями, брошенными «на укрепление этого участка идеологической работы» за свои заслуги перед компартийными органами.

С такого рода «начальниками» жизнь сталкивала С. Борового сплошь и рядом, и, конечно, трудно было ему найти с ними общий язык. Мешали образованность, интеллигентность, острое чувство собственного достоинства. В мрачном 1952 году, когда профессор был без работы, хорошо знавшая и ценившая его академик А. М. Панкратова, будучи членом ЦК КПСС, поговорила о судьбе Борового с другим членом ЦК — первым секретарем одесского обкома партии Епишевым (позднее он многие годы возглавлял цитадель реакции — Главное политуправление Советской Армии). Уже в Одессе Епишев пригласил безработного историка в свой кабинет и без обиняков спросил его: «А почему, собственно, вы не член партии?» Без всякого вызова Боровой ответил, что никогда не стремился таким образом облегчить себе жизнь и профессиональную карьеру. Партийный наместник был уязвлен в лучших чувствах и прервал их беседу репликой: «Даже если б вы были членом партии, вы не стали бы президентом Академии наук». Вспоминая об этом разговоре, С. Боровой с улыбкой добавлял: «И я думаю, что он был прав».

Душевная стойкость и духовная независимость стоили недешево. Вот и профессор Боровой, будучи широко известным ученым, прожил всю жизнь в родной Одессе в коммунальных квартирах. Никогда не пользовался никакими привилегиями или льготами. Ни разу не имел возможности вы-

ехать за рубеж на международные конференции или симпозиумы, куда его приглашали. Будучи в научном отношении фигурой номер один в Одесском институте народного хозяйства, был от отправлен на пенсию еще в том возрасте, когда вполне мог трудиться.

И все же не такими критериями определял этот общительный и душевный, несмотря на несколько мизантропическое выражение лица, человек жизненную удачу. Более важны были для него научные находки, удовлетворение от успешных выступлений и солидных публикаций, успехи его учеников, встречи с интересными книгами и интересными людьми. А уж в последнем-то жизнь его не обделила: на своем пути он не просто повстречал, но пользовался дружбой и расположением многих неординарных людей. Увы, большинство из них уже ушли из жизни и не смогли бы сегодня прочесть публикуемые мемуары. Назовем лишь некоторые имена, представляющие этот круг: историки Н. М. Дружинин и И. Д. Амусин, М. Е. Слабченко и В. М. Далин, психолог С. Л. Рубинштейн, литературоведы В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев и Л. П. Гроссман, О. Л. Вайнштейн и Ю. Г. Оксман, антиковеды И. М. Тронский и С. Я. Лурье, писатель Лев Славин, историк и писатель Н. Я. Эйдельман... Они и многие другие, с кем посчастливилось общаться ученому за его довольно долгую жизнь.

Долгую и, скажем, счастливую. Хоть и склонен был С. Я. Боровой видеть многое в черном цвете (и не без оснований!), но иногда, в минуты предельной искренности, признавался: «Мне все-таки в жизни везло: я выжил в тяжелые годы революции, гражданской войны, голода и эпидемий. Меня не репрессировали ни в тридцатые, ни в начале пятидесятых, и это счастливая случайность. Меня миновали самые тяжелые болезни. Мне удалось заниматься в жизни любимым делом. Посчастливилось встретить в жизни много хороших, добрых и умных людей». И в самом деле, разве этого мало?

Поистине прожил ученый жизнь долгую и по большому счету счастливую. Хорошо, что он успел рассказать в своих воспоминаниях о разных этапах этой жизни. О жизни и о том непростом времени, в котором она протекала. Думается, что публикуемые мемуары представят для пытливого читателя и интерес, и познавательную ценность.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ